

П. С. Завтрикова, Е. В. Ничипорчик

О СРЕДСТВАХ ОБОЗНАЧЕНИЯ АКЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К СМЫСЛУ ЖИЗНИ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

В статье описываются глаголы, используемые для обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни в русских и белорусских текстах. Выясняется, что при конструировании фрагментов текстов, содержащих обозначение типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни», носители родственных русского и белорусского языков опираются, как правило, на тождественные когнитивные модели.

Ключевые слова: смысл жизни, глагольная семантика, типовая ситуация, когнитивная модель.

Развитие человеческой цивилизации во многом зависит от правильно и своевременно сформулированных вопросов. С помощью тысяч «Почему?» мы, будучи детьми, познаем мир, благодаря многочисленным «Что будет, если?» получаем актуальный опыт, а после расстрянного «Что я сделал не так?» пытаемся адаптироваться к еще неизвестным нам условиям функционирования социальной или естественной среды.

Существуют, однако, задачи, которые не удается решить уже нескольким поколениям людей. В их числе – **вопрос о смысле жизни**. Сама проблема поиска смысла жизни породила соответствующий концепт – «Смысл жизни». В отличие от иных концептов культуры, данный концепт сохраняется в коллективной памяти как некоторый жизненный ориентир, не имеющий конвенционального содержания.

Номинал концепта функционирует как устойчивый словесный комплекс. О его высокой востребованности свидетельствует частотность фиксации в текстах Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]. Приведем для сравнения число вхождений в НКРЯ других устойчивых комплексов с компонентом *жизнь*: *уклад жизни* – 452 вхождения, *прожить жизнь* – 679 вхождений, *вечная жизнь* – 1093 вхождения, *смысл жизни* – 1879 вхождений.

Востребованность сочетания *смысл жизни* обуславливается, вероятно, стремлением человека поделиться с другими людьми мыслями о жизни, объяснить, оправдать свое или чужое существование, упорядочить хаотическую действительность. Нахождение смысла жизни видится как возможность построить план, следование которому стало бы верной и, судя по всему, приносящей счастье жизненной стратегией.

В настоящей статье предпринята попытка анализа языковых структур, используемых в рассуждениях о смысле жизни. Выявление форматов знания, положенных в основу рассуждений о смысле жизни, позволило бы говорить о вероятной объективности части этих рассуждений, ведь, как пишет Е. Н. Трубецкой в своем хрестоматийном труде, «спрашивать о смысле – значит задаваться вопросом о безусловном значении чего-либо, т. е. о таком значении, которое не зависит от чьего-либо субъективного усмотрения, от произвола какой-либо индивидуальной мысли» [2].

Фактический материал для статьи был выбран из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1] и Белорусского N-корпуса [3]. Весьма вероятно, что представители близких по духу культур будут использовать схожие конструкции для выражения отношения к чему-либо.

Рассуждения о смысле жизни могут быть перволичными (о себе (1); (2)) и третьеличными (о третьих лицах (3); (4)); второличными (о собеседнике) встречаются в диалогах, но крайне редко (5):

А мы с отцом по ночам чаи гоняем, о смысле жизни говорим, что еще остается, если заснуть не можешь [Екатерина Завершнева. Бабушка (2010)] (1);

Год сын жыў паміж Мінскам і Галандыяй. Але ён кажа: «Мама, там усё ёсць, там усё добра. Але не ляжыць душа. Я не разумею іх сэнсу жыцця» [Еўрарадыё. Арганізацыя «Мулат»: Калі пачнецца паток мігрантаў у Беларусь, мы іх падтрымаем (2016)] (2);

Анна, теряя любовь, **теряла смысл жизни**, и смерть для нее наполнялась смыслом. Что оставалось ей? Женщине с проснувшимся умом и сердцем куда применить их и ради чего жить? [Галина Николаева. Битва в пути (1959)] (3);

– Ад чалавека – што застаецца? – не пераставаў Рыгор. Нават не верылася, што гэта ён пытае, што і ён урэшце задумаўся над сэнсам жыцця [Павал Місько. Градабой (1975–1979)] (4);

– У вас такое лицо, будто вы неустанно ищете смысл жизни [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)] (5).

Третьеличные дискурсы о смысле жизни превосходят по количеству аналогичные первеличные практически в два раза. Данный факт, возможно, связан с тем, что человеку трудно самостоятельно решать «вечные» проблемы и предпочтительным оказывается анализ чужих мыслей, побуждений и состояний. Следует также учесть, что третьеличный дискурс в принципе более характерен для эпических текстов, так как подобный тип повествования соответствует установке на создание объективной картины мира.

Поскольку проанализировать все зафиксированные в корпусе рассуждения о смысле жизни в рамках одной статьи не представляется возможным, мы ограничились только контекстами, в которых находит обозначение типовая ситуация «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни» (1); (2):

Когда я слышу, как люди **определяют смысл жизни**, мне кажется, что кто-то грубый, сильный обнимает меня жесткими объятиями и давит, хочет изуродовать... [Максим Горький. Дачники (1904)] (1);

Я **знайшоў сэнс жыцця ў службе свайму народу, сваёй Бацькаўшчыне, беларускай справе** [Наша Ніва. Сустрэча з Янкам Запруднікам (2016)] (2).

Сравним:

Если весь **смысл моей жизни заключается в моем авторстве**, то я не могу не желать славы [Петр Чайковский. Письма Н. Ф. фон-Мекк (1880)];

Увесь **сэнс жыцця быў у табе адной**, усе нягоды, увесь смутак перакрываліся радасцю, што ты ў мяне ёсць [Віктар Карамзаў. Крыж на зямлі і поўня ў небе (1991)].

Два последних контекста не соответствуют модели «субъект – предикат – объект» и не раскрывают акционального отношения личности к смыслу жизни.

В Национальном корпусе русского языка и Белорусском N-корпусе зафиксировано 393 и 122 единицы искомого иллюстративного материала соответственно. Поскольку главным выразителем отношений в семантико-синтаксической модели предложения является предикат, основное внимание мы сосредоточили на анализе предикатов, используемых для выражения процессуальной семантики при обозначении типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни».

Русскоязычные авторы при описании акционального отношения субъекта к смыслу жизни использовали 21 группу однокоренных глаголов (например, *потерять / терять / утратить*) и еще 44 глагола, 33 из которых используются в Корпусе единожды (*заглушать, томиться по, мучиться над* и др.).

Контекстов на белорусском языке на порядок меньше, однако лексическое разнообразие присутствует и здесь: 8 групп однокоренных глаголов и 21 самостоятельный глагол; 16 из них представляют единичное употребление.

Типичными для определения «взаимодействия» субъекта и смысла жизни в двух восточнославянских языках стали следующие глаголы (в скобках указано количество вхождений):

а) в русском языке:

1 – *искать* (47), *отыскивать* (2), *разыскивать* (1) – 50 вхождений;

2 – *думать о* (20), *думать над* (2), *задуматься о* (7), *задумываться о* (7), *задуматься над* (3), *задумываться над* (2), *подумать о* (3), *подумать над* (1), *вдумываться в* (1), *придумать* (1), *выдумать* (1) – 48 вхождений;

3 – *понять* (26), *понимать* (10), *недопонять* (1) – 37 вхождений;

4 – *видеть* (28), *увидеть* (3) – 31 вхождение;

5 – *найти* (22), *находить* (5) – 27 вхождений;

б) в белорусском языке:

1 – *задумацца над* (8), *задумвацца над* (2), *задумацца пра* (5), *задумвацца пра* (2), *задумацца аб* (1), *падумаць пра* (3), *падумаць над* (1) – 22 вхождения;

2 – *шукаць* (18), *адшукаць* (1) – 19 вхождений;

3 – *знайсці* (15), *знаходзіць* (1) – 16 вхождений;

4 – *зразумець* (6), *разумець* (5) – 11 вхождений;

5 – *бачыць* (11) – 11 вхождений.

Подобная группировка глаголов по формальному признаку имеет свои причины. Во-первых, корень однокоренных слов выражает общее лексическое значение этих слов, а во-вторых, попытка семантической / тематической классификации данного материала затруднительна в принципе: тяжело понять, однотипно ли значение процессов, к примеру, постижения, осмысления, получения, обретения, нахождения, определения смысла жизни.

Можно заметить, насколько последовательна корреляция ядерных глаголов, используемых для обозначения процессуальной семантики в избранной нами модели рассуждения о смысле жизни в русском и белорусском текстовых пространствах. Первые пять групп соотносимы не только семантически, но и во многом количественно: по составу глагольных лексем и по предложному управлению. Интересно, что в русских текстах глаголы *искать* и *найти* (не составляющие, по мнению Анны А. Зализняк и И. Л. Микаэлян, видовую пару [4]) при образовании сочетаний с устойчивым комплексом *смысл жизни* характеризуются разной степенью востребованности: *искать* встречается в два раза чаще, чем *найти*; в белорусских текстах глаголы *шукаць* и *знайсці* в аналогичных структурах очень близки по частотности фиксаций.

При всем этом остается загадкой, почему же мы воспринимаем смысл жизни как объект поиска или как нечто, что можно, например, «увидеть». В надежде найти ответы на эти вопросы мы обратились к «Экспериментальному синтаксическому словарю» под ред. Л. Г. Бабенко. По определению его составителей, «словарь является попыткой лексикографической интерпретации взаимодействия лексики и синтаксиса, обнаруживаемого на уровне семантических моделей русских глагольных предложений и их лексико-синтаксических репрезентаций» [5].

Три из пяти ядерных глаголов (*думать*, *понимать*, *видеть*) отнесены в данном словаре (в соответствующих нашим контекстам значениях) к предикатам интеллектуальной деятельности и используются в языке для обозначения **типовых ситуаций понимания** («Человек понимает что-л. (какие-л. явления, процессы, события), проникая в суть явлений на основе наблюдений, размышлений, специальных логических выводов»; глаголы *понимать*, *видеть*) [5] и **мышления** («Человек думает, размышляет о ком-, чем-л., обдумывает что-л.»; глагол *думать*) [5]:

Але ён, Жукоўскі, бачыць вышэйшы сэнс жыцця ў прыгажосці і каханні [Віктар Кармазаў. Мой брат духоўны (2002)];

Традиционный отдых минусинцев – лыжи, беговые или горные, купание в зимней проточке, рыбалка: сядут у проруби и думают о смысле жизни... [Алена Лоскутова, Елена Петрова. Алена Лоскутова из Минусинска (2012)].

Глаголы *искать* и *находить* близки по значению и, согласно экспериментальному словарю, образуют **типовую ситуацию поиска объекта** («Живое существо ищет, находит в результате поиска что-л. скрытое, утерянное») [5]:

Сопоставление Печорина с Иоханнесом Киркегора избавляет от стереотипного толкования лермонтовского героя: мол, **ищет смысл жизни и не находит** – окружающее не дает приложить сил. Нет, Лермонтов изображает окружающее неизменным – вот в чем новизна его романа [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина (2002)].

«Тактика» подобного поиска неясна, ведь этот поиск приписывается исключительно ментальной сфере, хотя к физическому миру может иметь непосредственное отношение, поскольку в реальной действительности найденный смысл жизни может заключаться в предмете обладания, важном для человека в том или ином отношении, в определенном виде деятельности и во многом другом, что приобретает исключительную ценность для человека:

А этот фотоаппарат стал смыслом ее жизни, тоненькой невидимой ниточкой, связывавшей ее с детьми [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)];

Па словах таварыша, для Руслана гэта гульня стала сэнсам жыцця. У ёй ён сябе выдатна рэалізоўваў і нават зарабляў на «Танках» па некалькі соцень долараў штомесяц чыстымі [Еўрарадыё. Абвінавачаны ў абкраданні банка захапляўся «Танкамі» і марыў жыць у Расіі (2015)].

Помимо наиболее частотных предикатов, используемых для обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни, фиксируется немногочисленная группа коррелирующих по семантике глаголов, которые встречаются эпизодично в анализируемых контекстах НКРЯ и Белорусского N-корпуса (например, *постигнуть* (5) – *спасцігнуць* (2), *иметь* (4) – *мець* (1), *рассуждать о* (3) – *разважаць пра* (2), *разважаць аб* (1) и др.).

Единожды фиксируемые предикаты в сочетании с устойчивым комплексом *смысл жизни / сэнс жыцця* практически не обнаруживают семантических корреляций в сопоставляемых языках. Это – русские глаголы *беседовать о*, *вернуть*, *доказать*, *заглушать*, *замыкать*, *исследовать*, *исчерпать*, *мучиться над*, *называть*, *оправдать*, *отрывать*, *охватить*, *переносить*, *подрывать*, *пофилософствовать о*, *представлять*, *сделать*, *снабдить*, *сомневаться в*, *составлять*, *сотворить*, *сохранить*, *спрашивать о*, *схватывать*, *томиться по*, *торговать*, *усматривать в*, *устроить в* и белорусские – *агаліць*, *глядзець на*, *здабыць*, *зрабіць з*, *падарыць*.

Приведем несколько контекстов с данными глаголами:

Те не торговали смыслом жизни, но духовность была с ними, и в скудных партийных полемиках было больше жизни и больше музыки, чем во всех писаниях Леонида Андреева [Осип Мандельштам. Шум времени (1923)];

– *О, хрысціяне – народ вельмі змыслы <...> на сваё жыццё на зямлі яны пазіраюць як на спосаб латвей дастасавання да банкету на тым свеце. – Ты занадта агаліў сэнс жыцця, – сказаў Турсевіч, – і тым самым зневажаеш чалавека* [Якуб Колас. У Палескай глушы (1923)];

– *Может, ты смысла жизни не чувствуешь, так потерпи чуть-чуть, – сказал Воцев лежачему* [Андрей Платонов. Котлован (1930)].

Общее количественное преобладание русских глаголов можно объяснить тем, что Национальный корпус русского языка более репрезентативен, чем Белорусский N-корпус, и анализируемые русскоязычные контексты численно превосходят белорусскоязычные более чем в три раза.

Вышеперечисленные неядерные (единожды использованные) глаголы трудно типизировать, поскольку обозначаемые ими акции характерны для разных сфер человеческой жизнедеятельности. Примечательно то, что многие из данных глаголов в сочетании с устойчивым комплексом *смысл жизни* подвергаются метафорическому переосмыслению, основанному на ассоциации внутренних «нефизических» процессов с действиями, совершаемыми в физическом мире:

Существо же в ином: я, наверно, первый произнесший это слово применительно к Вильямсу, но я его произнесу с сознанием ответственности перед теми, кто проникнет

в смысл жизни Вильямса после нас, – мы имеем дело с великим американцем [Савва Дангулов. Вильямс (1981)];

Но как отнять у живых участников событий веру в то, что их близкие и друзья не погибли бессмысленно, что предана – тогда и сейчас – их вера в праведность жертв и лишений, у многих из них просто отнять смысл жизни? [Галина Шергова. ...Об известных всем (2002–2004)].

Результаты анализа фрагментов русских и белорусских текстов с обозначениями типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни» позволяют прийти к следующим выводам. Выделяется группа семантически коррелирующих ядерных (наиболее частотных) глаголов в русском и белорусском языках, используемых для обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни. Это глаголы, предикатная функция которых, согласно «Экспериментальному синтаксическому словарю» под ред. Л. Г. Бабенко, связывается с обозначением ситуаций мышления, понимания, поиска объекта. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что при конструировании речевых фрагментов, содержащих обозначение типовой ситуации «субъект и его акциональное отношение к смыслу жизни», носители родственных русского и белорусского языков опираются, как правило, на тождественные когнитивные модели. Случайные (неядерные) обозначения акционального отношения субъекта к смыслу жизни редко обнаруживают семантические корреляции в сопоставляемых языках и в слабой степени поддаются типизации.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 19.10.2019.
2. Трубецкой, Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vehi.net/etrubeckoi/smysl_zhizni/01.html#b011. – Дата доступа : 19.10.2018.
3. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info>. – Дата доступа : 20.10.2019.
4. Зализняк, Анна А. К вопросу об аспектуальном статусе конативных пар в русском языке: почему *искать* не может означать ‘найти’ / Анна А. Зализняк, И. Л. Микаэлян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.). Вып. 15 (22). – М. : Изд-во РГГУ, 2016. – С. 867–875.
5. Бабенко, Л. Г. Экспериментальный синтаксический словарь / Л. Г. Бабенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=2847>. – Дата доступа : 22.10.2019.

The article describes the verbs used to designate actional relation of subject to the meaning of life in Russian and Belarusian texts. It turns out that while constructing text fragments containing the designation of a typical situation «subject and his actional attitude to the meaning of life» native speakers of related Russian and Belarusian languages generally refer to identical cognitive models.

Keywords: meaning of life, verbal semantics, typical situation, cognitive model.

УДК 811'42'271'373:398.91

Е. В. Иванова

«ВДОВЬЕ ДЕЛО ГОРЬКОЕ», НО “WIDOWS ARE ALWAYS RICH” (О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТОВ)

В статье рассматривается соотношение понятий «концепт» и «лингвокультурный концепт», определяется место лингвокультурологии как раздела когнитивной лингвистики. На материале по-